

Долгов А.Ю.

Политическая онтология как область исследования и теоретико-методологический подход к изучению политики (аналитический обзор)¹

Долгов Александр Юрьевич – к.соц.н., научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН

Ключевые слова: *политическая онтология; политическая реальность; государство; агент-структурные отношения.*

В последние годы в социальной теории фиксируется «онтологический поворот»². Эта тенденция затронула и политическую науку, для которой разрешение онтологических вопросов остается одной из актуальных задач. Политическая онтология представляет собой одну из важных исследовательских областей, которую чаще всего локализуют в структуре политической философии, где она стоит в одном ряду с такими направлениями как политическая антропология, политическая праксиология,

¹ Аналитический обзор подготовлен в рамках исследовательского проекта «Исследование взаимоотношений власти и общества в России в ракурсе политической онтологии», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00008а).

² См., например: Escobar A. The «Ontological turn» in social theory: A commentary on «Human geography without scale» by Sallie Marston, John Paul Jones II and Keith Woodward // Transactions of the Institute of British geographers. – Oxford, 2007. – Vol. 32, N 1. – P. 106–111; Marres N. Testing powers of engagement: Green living experiments, the ontological turn and the undoability of involvement // European journal of social theory. – Thousand Oaks (CA), 2009. – Vol. 12, N 1. – P. 117–133; Paleček M., Risjord M. Relativism and the ontological turn within anthropology // Philosophy of the social sciences. – Thousand Oaks (CA), 2013. – Vol. 43, N 1. – P. 3–23; Woolgar S., Lezaun J. The wrong bin bag: A turn to ontology in science and technology studies? // Social studies of science. – L., 2013. – Vol. 43, N 3. – P. 321–340.

политическая эпистемология¹. Традиционно политическая онтология связана с изучением проблемы бытия политического мира, его сущностных характеристик, а также с анализом универсальных закономерностей властных отношений в обществе в рамках обнаруженной конечной политической реальности. Онтология политики генерализирует имеющиеся данные и дает наиболее обобщенную картину политической жизни. Часто эту область исследований критикуют за абстрактный и спекулятивный характер теоретизирования, но политико-онтологический анализ, тем не менее, не теряет от этого своей значимости, поскольку последовательная политологическая рефлексия является незаменимой процедурой при формулировании обобщающих научных гипотез и разработке теоретико-методологических моделей.

Усиливающаяся «онтологизация» в современных политических исследованиях связана прежде всего с тем, что за политической онтологией признается системообразующая роль в разработке политической теории. Более того, отмечается, что политическая онтология формирует парадигмальную основу любого политического исследования, поэтому без нее нельзя осуществить комплексное и полноценное изучение политических феноменов и процессов. В данном аналитическом обзоре на примере ряда научных публикаций будет показано, каким образом современные исследователи определяют область исследования политической онтологии, и какие основные тенденции преобладают в переосмыслении значения данного направления в политической науке. Акцент нашей работы будет сделан на роли политической онтологии в политических исследованиях и на ее теоретико-методологическом потенциале для понимания политической реальности.

¹ См. например: Василенко И.А. Политическая философия: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – С. 11–12.

О.В. Поспелова (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск) отмечает, что вычленение области политической онтологии является трудоемкой задачей, поскольку невозможно полностью абстрагироваться от учета политических процессов, субъектов и институтов при определении границ политического бытия [Поспелова 2009, с. 202]. Исследовательница выделяет 4 основных ракурса, в рамках которых в современных исследованиях рассматриваются вопросы политической онтологии. Во-первых, большое внимание уделяется комплексному описанию всего политико-теоретического спектра, в котором онтология стоит в одном ряду с эпистемологией, методологией и другими общетеоретическими принципами. Во-вторых, продолжаются поиски ответа на дискуссионный вопрос о природе политического. В-третьих, политическая онтология анализируется с точки зрения смысловых границ, задаваемых исходя из преобладания той или иной системы философских взглядов на политику. В-четвертых, с помощью политико-онтологического подхода делаются попытки эксплицировать политическое содержание теорий, которые на первый взгляд могут выглядеть как «неполитические» [Там же].

Профессор политического анализа и содиректор Центра политико-экономических исследований Университета Шеффилда, Великобритания, Колин Хэй в статье «Политическая онтология», опубликованной в «Оксфордском пособии по контекстуальному политическому анализу» [Нау 2006], рассматривает необходимость принятия онтологической позиции в политических исследованиях. Он доказывает, что политический анализ не может быть онтологически нейтральным, хотя при этом склонен признавать, что зачастую политологи стремятся оставить онтологические вопросы на рассмотрение философам и тем социальным исследователям, которые мало обращаются к эмпирическим проблемам. Но К. Хэй считает, что онтологические гипотезы логически предшествуют гносеологическому и

методологическому выбору, а это значит, что именно на онтологическом уровне возникает парадигмальное расхождение в политической науке, формируются будущие разногласия теоретико-методологических моделей [Нау 2006, с. 78]. Без онтологической рефлексии и дискуссии нельзя дать адекватную оценку эпистемологическим и методологическим дебатам.

Связь онтологии, эпистемологии и методологии схематически изображается как линейное восхождение от одного уровня к другому (онтология→эпистемология→методология). Онтология относится к изучению природы социально-политического мира, эпистемология к тому, что мы можем знать о нем, а методология – как мы можем получить это знание. Таким образом, мы не можем понимать, что мы можем знать (эпистемология), пока мы не установим природу контекста (онтология), в котором это знание может быть получено, и не можем выбрать набор стратегий познания (методология), пока мы не установим границы приобретения знания о таких процессах (эпистемология), включая природу самих этих процессов (онтология) [Нау 2006, с. 81].

К. Хэй предлагает исследователям использовать политико-онтологическую аналитическую программу, которая должна лежать в основе политического исследования. Отмечается, что перечисленные проблемы не могут быть решены чисто эмпирически, и даже если политологи стремятся избежать абстрактных и спекулятивных обобщений при построении теории, это не значит, что они избавляются от «онтологической зависимости». Программа состоит из следующих вопросов:

1. Взаимоотношения между структурой и действием (агент-структурная зависимость), контекстом и поведением;
2. Степень причинно обусловленной и / или конститутивной роли идей в детерминировании политических последствий;

3. Степень, в которой социальные и политические системы проявляют органические качества или редуцируются по всем параметрам до суммы составляющих их единиц / частей;

4. Отношения (дуалистические и диалектические) между сознанием и телом;

5. Природа человеческого (политического) субъекта и его поведенческих мотиваций;

6. Степень, в которой причинно обусловленная динамика является культурно / контекстуально особенной или поддающейся обобщениям;

7. Соответствующие характеристики объектов естественных и социальных наук;

8. Возможно, наиболее фундаментальный из всех вопрос, касающийся степени, если таковая имеется, разделения внешне видимого мира и реальности – степень, в которой социально-политический мир предстает перед нами как таковой в реальности, так чтобы его сущность была наблюдаемой [Там же, с. 80].

Лайам Стэнли из Университета Бирмингема, Великобритания, также показывает важность онтологической рефлексии в политической науке, несмотря на то, что подобный подход часто критикуется из-за сложности и запутанности [Stanley 2012]. Он пытается переосмыслить дефиницию и роль онтологии в политической науке. Одной из основных тем статьи является стремление показать, что философия и социальная теория имеют различные цели в политической науке и формируют различные концепции онтологии. Философия и политология, являясь разными дисциплинами, исходят из разных традиций и целей, поэтому они предлагают отличающиеся трактовки онтологии, из-за чего возникает путаница и споры.

Основной аргумент исследователя состоит в том, что для разграничения теоретических и философских интересов политическая наука

может быть разделена на два уровня. На первом уровне политология стремится объяснить политику, что является основной целью дисциплины. Политология первого порядка выстраивает объяснения политической жизни и политических феноменов, которые составляют «реальную жизнь». Исследователи ищут ответы на вопросы: «Что стало причиной X?» или «Как произошло Y?» [Stanley 2012, с. 94].

В отличие от этого политология второго порядка не фокусируется на актуальной политике в традиционном смысле. Она концентрируется на осмыслении того, как сами политологи понимают и концептуализируют политику. На этом уровне политология обязательно саморефлексивна и «метанаучна», поскольку она основывается на предыдущих объяснениях. В данном случае наука не может и не должна рассказывать много о политике как таковой, но может рассказать о существующих объяснениях и подходах в дисциплине [Там же].

Онтология в политической науке касается имплицитных гипотез о политической реальности, которая лежит в основе объяснений политических феноменов. Этот анализ относится ко второму порядку. Отсюда следует, что онтология должна быть определена не как «мир, каким он является на самом деле», а как «мир, каким его видят политологи» [Там же, с. 95]. Для того чтобы объяснить мир политики, необходимо, имплицитно или эксплицитно, совершить определенное онтологическое переосмысление того, что возможно в социальной реальности. Это означает, что все объяснения, теории и подходы так или иначе содержат онтологические гипотезы в своей основе.

Автор также затрагивает вопрос о факторах, влияющих на формулирование онтологических гипотез. Он приходит к выводу о том, что они не всегда возникают из философской рефлексии. В этом процессе могут быть задействованы различные переменные. Онтологические гипотезы не

обязательно возникают в ходе осознанного обсуждения и решения проблем философского дуализма (агент–структура, материальное–умозрительное, сознание–тело). Они неразрывно связаны с рядом внешних факторов, включая эпистемологическую предвзятость контролирующих и финансовых органов. Здесь речь идет о том, что исследователи зачастую отказываются от формулирования онтологических и эпистемологических гипотез, поскольку это, как им кажется, мешает сконцентрироваться на проблеме, обеспечить финансирование проекту и опубликовать свои выводы [Stanley 2012, с. 97]. Л. Стэнли приходит к выводу о том, что онтология – это не обязательно свободный выбор исследователя. Зачастую на исследователя влияет широкий набор норм и ценностей академического сообщества, финансовые и регулирующие организации, а также политическая ориентация исследователя. По этой причине онтологические вопросы в современных исследованиях пока чаще всего разрешаются неубедительно.

Учитывая предложенную двухуровневую структуру политической науки, исследователь полагает, что изучение онтологических вопросов должно уйти от решения проблем первого порядка вроде таких: «В какой степени мы, как индивиды, способны управлять нашими жизнями, сталкиваясь порой с огромными ограничениями» [Там же, с. 98]. Дискуссии об онтологии должны быть встроены в вопросы второго порядка, в рамках которых, например, разрешаются проблемы политических последствий, возникающих после выбора онтологической гипотезы. Иными словами ученые могут осмыслить, как выбор онтологической гипотезы для объяснения политического явления повлияет на изучаемый объект. Это перенесет фокус внимания исследователей с проблемы поиска чистой концептуализации онтологической проблематики, ценность которой признают не все политологи, к изучению онтологических допущений, которые лежат в основе существующих объяснений и подходов.

В статье уже упомянутого К. Хэя в ракурсе политической онтологии рассматривается один из важнейших концептов политической науки – государство [Нау 2014]. К. Хэй обращает внимание на противоречие, касающееся признания существования данного феномена в реальности. Не все традиции политического анализа согласны фиксировать существование государства в полном смысле слова. Сложность обнаружения этого института в реальном мире заключается в отсутствии его физического или материального воплощения. В рамках такого подхода предполагается, что государство – это аналитическая абстракция, концептуальная или теоретическая конструкция. Подобная критика в политической науке связана, прежде всего, с направлениями бихевиорализма и логического эмпиризма. Противоположная позиция признает государство как реальное образование, однако порядок такой реальности предстает как многослойная совокупность различных по-настоящему существующих явлений и процессов. «Видимой формой» изучаемого феномена в таком случае, например, являются индивидуальные действия и решения политиков, которые выступают от имени государства. Подобный подход наиболее последовательно раскрывается в русле философского реализма.

К. Хэй предлагает «третий путь», с помощью которого можно не только использовать потенциал разных теоретических направлений, но и разрешить противоречие реальное–фиктивное, возникающее при изучении государства. Он обосновывает мысль о том, что государство является ни реальным, ни вымышленным, но «как будто реальным» образованием. Оно не является учреждением *per se*, но в то же время служит для установления и конструирования ряда контекстов, в которых политические институты наделяются полномочиями и вводятся в действие. Фактически К. Хэй предлагает по-другому поставить вопрос, который вызывает дискуссии в связи с разными подходами к определению государства. Он считает, что

проблема должна быть заострена не на том, существует или нет государство, а на том, в какой степени данный конструкт может оказаться полезным в политическом исследовании [Нау 2014, с. 463].

За основу К. Хэй берет идею Филиппа Абрамса о государстве как генерации политического эффекта¹. Данная конструктивистская позиция подразумевает, что «государственный эффект» порождается действиями акторов, которые поступают так, как будто государство является реально существующим, например, ориентирует их поведение по отношению к себе. Этот процесс имеет две основные формы. Первая – когда акторы занимают «экстернальную» позицию по отношению к государству и не считают себя политически уполномоченными представителями государства. Такие акторы, например, могут организовать группы давления, чтобы лоббировать свои интересы в государственной сфере. Другая форма поведения связана с акторами, которые считают себя представителями государства, и полагают, что они вправе выступать от его имени. Данные формы отношения и есть «как будто реальное» государство. Ведь для того чтобы возникал «государственный эффект», государство не обязательно должно существовать в реальности, достаточно подобного отношения к нему со стороны политических субъектов [Нау 2014, с. 465].

На примере политико-онтологического анализа концепции государства исследователь показывает, как может быть решена проблема агент-структурной зависимости, которая на сегодняшний момент является одной из основных в политической онтологии. Онтология государства породила свою версию проблемы «действие-структура», поскольку государство может выступать в обоих ролях. В структурной перспективе государство изображается как площадка или локус власти, инвестирующий в тех, кто

¹ Abrams Ph. Notes on the difficulty of studying the state // Journal of historical sociology. – Oxford, 1988. – Vol., N 1. – P. 68.

имеет доступ к ресурсам, оно предоставляет диапазон возможностей, которыми они без государства не обладают [Там же, 469]. Но нельзя не отметить тот факт, что, как правило, понятие «государство» используется как агент, нежели как структура, что отчетливо проявляется на примере таких выражений как «государство собирает налоги с граждан», «государство разворачивает войну» и т.п.

К. Хэй показывает, как можно решить проблему единства государства. Во-первых, актуальным остается вопрос о границах государства – что есть «внутри» и «снаружи» государства. Государство представляет собой институциональный комплекс, не единую сущность, но образование, состоящее из других сущностей. Другая проблема связана с внутренней когерентностью и стабильностью политики, практик и процессов, которые происходят в этом институциональном комплексе, действуя порой разнонаправленно. Как можно предположить, государство представляет собой ни сингулярную и унифицированную, ни фрагментированную систему – оно является постоянным продуктом пересечения тенденций и контртенденций, движущихся в любом направлении [Нау 2014, с. 475–476].

Таким образом, государство представляет собой ни реальное, ни воображаемое образование, а концептуальную абстракцию. Оно не является агентом самим по себе, хотя оно служит для определения и конструирования серии контекстов, в которых политические агенты получают свои полномочия и вводятся в действие / институционализируются. Государство является динамичным институциональным комплексом, чье единство в лучшем случае частичное и постоянно развивается в результате объединяющих тенденций и разъединяющих контр-тенденций. Понимаемое таким образом учреждение не может реально существовать, нельзя одновременно зафиксировать его «реальность», но потенциально такой подход может стать очень ценной аналитической абстракцией.

Ниило Каупи (Страсбургский университет, Франция) использует политико-онтологический фокус при анализе европейской интеграции [Kauppi 2010]. Обращение к политической онтологии, по мнению автора, поможет создать обобщающую концепцию, которая объединит множество эмпирических работ, посвященных изучению европейской политики. Его внимание сконцентрировано на описании двух онтологических моделей, которые применяются в европейских исследованиях: эксклюзивной (строгой) и инклюзивной (рефлексивной, всеохватывающей). Последней автор отдает предпочтение, поскольку она способна учесть не только агентов или акторов (индивидов, группы, различные сообщества), но и контексты (институциональные, экономические, политические и другие уровни).

Доказывая необходимость разработки онтологических моделей даже теми учеными, которые строго нацелены на эмпирические исследования, Н. Каупи выдвигает несколько аргументов в их защиту. Во-первых, онтология логически предшествует эпистемологии и методологии, а значит от выбора, сделанного в начале анализа, будет зависеть то, какие объекты и какими методами будут изучаться. Во-вторых, внимание к онтологии способствует скорее критическому рефлексивному осмыслению, нежели прескриптивной зависимости от выбранного пути (path-dependency). Это помогает ставить под сомнение догмы и делать скрытое явным. В-третьих, несмотря на то, что обозначенные принципы могут показаться простыми с эмпирической точки зрения, они помогают разработать общее направление для развития исследования и могут выступить в качестве «регулятивных идей» в кантианском смысле, способствуя формулированию исследовательских проблем. В-четвертых, онтологический «выбор», по мнению автора, предполагает не просто знание, но скорее «власть-знание» (М. Фуко). Признается, что при производстве знания о политической реальности, ученые сами в различной степени и с различной силой формируют то, что

они описывают. Исследователям важно понять последствия их дискурсов и деятельности. Наконец, онтологическая рефлексия представляет собой важный аспект коллективной рефлексии относительно значения социальных наук в современном мире в условиях вызова со стороны «жестких» наук [Kauppi 2010, с. 21–22].

Основные принципы эксклюзивной онтологии заключаются в том, что политические институты существуют как естественные сущности, независимо от их контекста и индивидов. Институты отделены как от индивидов, формирующих их, так и от индивидов, изучающих их. Акторы политической жизни действуют рационально и индивидуально, а формирование их предпочтений не зависит от социальной среды, в которой они существуют. Парадокс такого подхода состоит в том, что индивиды создают институты, но институты никак на них не влияют.

Инклюзивная, или рефлексивная, онтологическая модель постулирует противоположные принципы. Политическая реальность состоит из взаимозависимых людей, групп и институтов. Она символично-физическая, то есть по большей части является символической, нематериальной и виртуальной, но при этом требует наличия реально существующих основ, индивидов, действий и т.п. Реальность со-(ре)производится людьми как группами. Инклюзивная онтологическая позиция разработанная здесь подчеркивает связь между макро и микро, институтами и властью, действиями индивидов и группами в более или менее структурированных социальных сферах. Ограниченные (сдерживаемые) сетями взаимодействия эти сферы политической конкуренции развиваются неравномерно [Kauppi 2010, с. 28]. Например, в Европарламенте отдельные политики должны адаптироваться к меняющемуся положению этого института, находящегося во взаимодействии с национальными парламентами и др. европейскими институтами. В данном случае объект знания не существует независимо от

его контекстов, он внедрен в комплексные сетевые взаимоотношения. Ученые не являются автономными по отношению к реальности, которую они описывают. Наблюдатель, как создатель метаязыка, не является абсолютом, он скорее привязан к реальности эмоционально, социально и политически [Там же]. Такие онтологические рамки позволяют не разделять индивидуальные интересы от норм и объективные факторы от субъективных, рассматривая политический процесс в комплексной взаимозависимости.

Сотрудница Департамента социологии Лондонского университета Ноортдже Маррес рассматривает вопрос, касающийся необходимости экспериментализации политической онтологии [Marres 2013]. Свой анализ она провела на основе изучения демонстрационных экологически чистых домов, которые, как она считает, можно рассматривать как пример механизма гражданского участия. Эти дома могут быть описаны как материально-технические устройства публичного участия, так как они используются в качестве инструментов вовлечения резидентов и широкой общественности в проект по защите окружающей среды. Люди, зная об экологической чистоте новых технологий, стремятся внести свой вклад в общее дело. Иными словами, на этом примере можно увидеть, как материальные условия создают предпосылки для гражданского участия и демократии. В данном случае подтверждается позиция, согласно которой предметы материального мира (прежде всего, технологии) становятся полноправными участниками социальной и политической жизни. Таким образом, с одной стороны, проводится работа по эмпиризации политической онтологии, с другой, обсуждается возможность включения в рамки политического анализа «деятельности» технических устройств. Проект эмпиризации на данном исследовательском материале расширяется до «экспериментальной онтологии».

Н. Маррес отмечает, что помимо «поворота» к онтологии в последнее время в политической теории наблюдается усиление позиций объект-ориентированной онтологии или «нового материализма», зародившего интерес к роли материальных и нечеловеческих сущностей в политике и демократии. Если раньше ученые подходили к науке как к принципиальной форме знания, относящейся к репрезентации реальности, то теперь новая область исследований науки и технологий предлагает понимать технонауку как отдельный способ воздействия, выдвигающий на первый план эмпирическое преобразование мира. В контексте политики наука и технологии помогают решить, какие акторы получают власть и влияние, и кто сможет эмансипировать себя [Marres 2013, с. 420]. Работа в данном направлении создает предпосылки для перехода от эпистемологии к онтологии и бросает вызов идеалу автономного гражданина, демонстрируя, что акторы никогда не действуют в одиночку и испытывают влияние множества неодушевленных предметов окружающего мира.

Н. Маррес выделяет три способа взаимосвязи между онтологией и политикой: теоретическая, эмпирическая и экспериментальная онтологии. Теоретическая онтология понимается в классическом смысле как то, «что существует». Подобный подход критикуется за допущение о том, что существующее воспринимается скорее как данное, а не как созданное, сконструированное или совершенное. Эмпирическая онтология отличается от теоретической тем, что в ее понимании вопрос «из чего состоит мир», не может быть полностью решен в теории, но частично может быть решен на практике эмпирическим путем. В этом случае в области исследования науки и технологий происходит явный сдвиг от эпистемологии к онтологии. Исследования науки и технологий, особенно акторно-сетевая теория, используют термин «онтологический» для того, чтобы описать способы, с помощью которых наука и технологии влияют на мир. Этот подход

утверждает, что то, что традиционно относится к области метафизики, а именно вопрос о том, из чего состоит мир, в действительности решается с помощью специфических, исторических, культурных, технологических и научных воздействий, и, таким образом, должен быть изучен в эмпирических терминах. Экспериментальная онтология имеет как сходные, так и различные черты с эмпирической. Эмпирическая онтология имеет дело с масштабными трансформациями бытия и признает роль неодушевленных предметов в социально-политических изменениях. Экспериментальная онтология обращает внимание на целенаправленный вклад неодушевленных предметов, который может иметь моральные и политические последствия [Marres 2013, с. 423–424]. То есть исследователи осмысленно на практическом материале занимаются поиском «девайсов», которые обладают нормативной силой. В случае с экодумами, ставшими для исследовательницы прототипом научной лаборатории, люди, зная об экологической чистоте новых устройств и технологий, стремятся внести свой вклад в общее экологическое дело, а это означает, что материальные условия создают предпосылки для гражданского участия и демократии. Экспериментальная онтология тоже исследует проблему «из чего состоит мир», используя частично эмпирические методы. Но она выходит за рамки эмпирики по ряду вопросов. Она устремляет внимание на целенаправленно конструируемую материальными объектами, устройствами и установками политику и мораль, на то, как они влияют на социально-политическую жизнь. Экспериментальная перспектива предлагает понять скорее, как политика и демократия осуществляются посредством внедрения устройств, объектов и установок, а не зафиксировать политику только на уровне идей и дискурсов.

Марио Блейзер (Мемориальный университет Ньюфаундленда, Канада) применяет политико-онтологический подход для изучения проблемы самобытности [Blaser 2014]. В контексте исследования самобытности термин

онтология чаще всего, но не всегда, используется для того, чтобы показать различие между автохтонной группой и различными агентами западной модернизации / колонизации. При таком использовании термина, трудно порой отличить его от концепта культуры. Главный аргумент для замены культуры онтологией звучит так: понятие «культурное отличие» – это функция модернистского онтологического предположения о том, что существует единственная реальность, или мир, и множество перспектив, или его культурные репрезентации [Там же, с. 52]. Данный аргумент предполагает два взаимосвязанных, но разных подхода к пониманию реальности. Первый включает требование множественных онтологий. Другой предполагает включение в анализ исследователя и его онтологических предположений.

М. Блейзер отмечает, что в рамках исследования самобытности задача заключается не в объяснении этнографических данных такими, какие они есть, а скорее в том, чтобы понять, чем они являются. Вместо того чтобы пытаться использовать наши собственные аналитические концепции для понимания данной этнографии, необходимо применять этнографию для переосмысления имеющихся аналитических концептов. Онтология в данном случае предстает как эвристический прием, инструмент переосмысления аналитических концептов. Реальность всегда находится в процессе становления из-за динамических отношений гетерогенных множеств, вовлекающих также неодушевленные предметы. В итоге делается вывод о том, что политическая онтология не может быть «жестко» связана с возможной внешней и независимой реальностью (быть обнаруженной и точно изображенной), скорее она должна соотносить себя с созданием реальности.

Анализ рассмотренных публикаций позволяет сделать определенные выводы о том, какое место политическая онтология занимает в современной

политической науке, и какие основные проблемы стоят перед исследователями. Дискуссии, касающиеся этой области исследования, продолжаются, но можно попытаться зафиксировать основные тенденции, в рамках которых будет идти дальнейшее обсуждение роли и возможностей онтологии в политическом знании. Во-первых, хотя важность политической онтологии для политических исследований постепенно реанимируется в глазах научного сообщества, многие исследователи стремятся найти пути минимизации ее спекулятивности и запутанности для того, чтобы ее выводы могли быть эмпирически и экспериментально подтверждены. Во-вторых, в «онтологическом пространстве» невозможно игнорировать пересечение «человеческого» и институционального измерений, которые предполагается интегрировать в единые объяснительные модели. В данном случае исследовательские вопросы выстраиваются вокруг решения проблемы агент-структурной интеграции и рассмотрения максимально широкой совокупности феноменов и процессов, включая индивидуальные действия и различные контексты. В-третьих, подмечается важность включения в область политико-онтологического анализа «действий», возникающих вследствие развития нематериальной техносреды, которая всё активнее вмешивается в жизнь людей. В-четвертых, очень важно учитывать роль исследователя, который не просто изучает, но и конструирует политические миры, что имеет определенные последствия, которые также могут быть проанализированы в онтологическом ракурсе. Дальнейшая политологическая рефлексия над данными вопросами поможет закрепить роль политической онтологии в решении исследовательских задач и поспособствует выявлению актуальных тенденций современного социально-политического развития.

Литература:

Поспелова О.В. Политическая онтология и ее методолого-теоретический контекст // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2009. – Т.2, № 3. – С. 202–211.

Blaser M. Ontology and indigeneity: On the political ontology of heterogeneous assemblages // Cultural geographies. – L., 2014. – Vol. 21, N 1. – P. 49–58.

Hay C. Neither real nor fictitious but «as if real»? A political ontology of the state // The British journal of sociology. – L., 2014. – Vol. 65, N 3. – P. 459–480.

Hay C. Political ontology // The Oxford handbook of contextual political analysis / Ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2006. – P. 78–96.

Kauppi N. The political ontology of European integration // Comparative European politics. – Houndmills, 2010. – Vol. 8, N 1. – P. 19–36.

Marres N. Why political ontology must be experimentalized: On eco-show homes as devices of participation // Social studies of science. – L., 2013. – Vol. 43, N 3. – P. 417–443.

Stanley L. Rethinking the definition and role of ontology in political science // Politics. – Oxford, 2012. – Vol. 32, N 2. – P. 93–99.